

optimization of the design of hydraulic fracturing. *Neftyanoe khozyaistvo [Oil Industry]* 2008, № 11, s. 54-57. (v ruskoi knige)

5. Sergeev A., Tereşenko T. *Uchet ekonomicheskoi prirody investisionnogo dogovora pri reşenii praktičeskikh voprosov (na primere dogovora arendy) Pravo, T. 1, I. 4, s. 219-223. (v knige na ruskom iazyke) [Considering the economical nature of investment agreement when deciding practical issues (on example of the lease agreement) Pravo [Law]] DOI: 10.12737/985*

6. Astahov M. V., Tagansev T. V. *Eksperimentälnoe issledovanie prochnosti soedineni "stäl-kompozit". Trudy MGTU im. N. E. Baumana «Matematicheskoe modelirovanie slojnyh tehničeskikh sistem», 2016, № 593, [Experimental study of the strength of joints "steel-composite". Trudy MGTU «Matematicheskoe modelirovanie slozhnykh tekhnicheskikh sistem» [Proc. of the Bauman MSTU "Mathematical Modeling of Complex Technical Systems"] s. Kniga*

MPНТИ 14.35.07

<https://doi.org/10.51889/2020-2.1728-7804.94>

Бекмамбетова З. ¹

¹ *Казахской академии транспорта и коммуникаций им. М.Тынышпаева, Алматы, Казахстан*

СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПАРЕМИЙ С ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

В данной статье рассматривается методическая система изучения паремий на уроках русского языка. Лингвокультурологический анализ паремий позволяет на основе аккумулированной информации культурно-исторического характера выявить сложившиеся ценностно-значимые представления этноса, прежде всего о человеке в совокупности определенных свойств, качеств, деятельности, его отношения к миру. Паремии - это афоризмы народного происхождения, характеризующиеся лаконичностью формы, воспроизводимостью значения и имеющие, как правило, назидательный смысл. Паремия является уникальным объектом для исследования языка и культуры, цель которого - изучение культурных наслоений в структуре значения языковых единиц. Паремия способна не только к выражению умозаключения, но и к формированию обобщенных представлений о жизненных закономерностях. Поскольку паремии являются частью национальной языковой картины мира, соответственно и частью национального языкового менталитета, то в этом случае, на наш взгляд, возможно говорить также о существовании пословичного менталитета, то есть менталитета нации, отраженного в паремиологическом фонде. При изучении дисциплины «Русский язык» студенты имеют возможность овладеть навыками лингвокультурологического анализа языковых единиц, познакомиться с разными типами упражнений и заданий, подготовиться применять приобретенные навыки и реализовывать умения в урочной, внеурочной и внеклассной деятельности.

Ключевые слова: язык, культура, паремия, лингвокультурология, упражнения, фразеологические единицы, пословица

Бекмамбетова З. ¹

¹ *М.Тынышпаев атындағы Қазақ көлік және коммуникация академиясы, Алматы, Қазақстан*

ОРЫС ТІЛІ САБАҚТАРЫНДА ПАРЕМИЯНЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯЛЫҚ ТҮРҒЫДАН ОҚЫТУДЫҢ ЖАТТЫҒУЛАР ЖҮЙЕСІ

Андатпа

Бұл мақалада орыс тілі сабақтарында паремияны оқытудың әдістемелік жүйесі қарастырылады. Паремияны лингвомәдени талдау мәдени-тарихи сипаттағы жинақталған ақпарат негізінде этностың қалыптасқан құндылық-маңызды түсінігін, ең алдымен адам туралы белгілі бір қасиеттердің,

қызметтің, оның әлемге деген қарым-қатынасының жиынтығын анықтауға мүмкіндік береді. Паремия-бұл халықтан шыққан афоризмдер, өзінің формасы қысқалығымен, мән-мағынасының өсуімен сипатталатын және әдетте, терең мағынасы бар. Паремия тіл мен мәдениетті зерттеуге арналған бірегей объект болып табылады, оның мақсаты - тілдік бірліктердің мәні құрылымындағы мәдени қатпарларды зерттеу. Паремия тек қана ой-пікірді білдіруге ғана емес, сонымен қатар өмірлік заңдылықтар туралы жалпылама түсініктерді қалыптастыруға да қабілетті. Паремия әлемнің ұлттық тілдік картинасының бөлігі болғандықтан, ұлттық тілдік менталитеттің бөлігі болып табылатындықтан, бұл жағдайда, біздің ойымызша, сондай-ақ паремиологиялық қорда көрсетілген мақал-мәтелдік менталитеттің бар екендігі туралы айтуға болады. “Орыс тілі” пәнін оқыту кезінде студенттер тілдік бірліктерді лингвомәдени талдау дағдыларын меңгеруге, жаттығулар мен тапсырмалардың әр түрлі әдістер арқылы танысуға, алған дағдыларды қолдануға және сабақтан тыс және сыныптан тыс іс-әрекеттерде іскерлікті жүзеге асыруға дайын болуға мүмкіндіктері бар.

Түйінді сөздер: тіл, мәдениет, паремия, лингвомәдениеттану, жаттығулар, фразеологиялық бірліктер, мақал-мәтелдер

Bekmambetova Z.¹

¹ *Kazakh Academy of Transport and Communications M. Tynyshpayev,
Kazakhstan, Almaty*

THE SYSTEM OF EXERCISES IN THE STUDY OF PAREMIAS WITH LINGUISTIC AND CULTURAL PERSPECTIVE ON THE LESSONS OF RUSSIAN LANGUAGE

Abstract

This article discusses the methodological system of studying paremias in Russian language lessons. Linguistic and cultural analysis of paremia allows us to identify the existing value-significant representations of an ethnic group based on accumulated information of a cultural and historical nature, first of all, about a person in the aggregate of certain properties, qualities, activities, and his attitude to the world. Paremias are aphorisms of folk origin, characterized by conciseness of form, reproducibility of meaning and having, as a rule, an edifying meaning. Paremia is a unique object for the study of language and culture, the purpose of which is to study cultural layers in the structure of the meaning of language units. Paremia is capable not only of expressing a conclusion, but also of forming generalized ideas about the laws of life. Since paremias are part of the national language picture of the world, and therefore part of the national language mentality, in this case, in our opinion, it is also possible to talk about the existence of a proverbial mentality, that is, the mentality of the nation, reflected in the paremiological Fund. When studying the discipline “Russian language”, students have the opportunity to master the skills of linguistic and cultural analysis of language units, get acquainted with different types of exercises and tasks, prepare to apply the acquired skills and implement the skills in regular, extracurricular and extracurricular activities.

Keywords: language, culture, paremia, linguoculturology, exercises, phraseological units, proverb

Введение. Язык является составной частью культуры, отражает характер исторического и духовного становления народа, рассматривается как результат, продукт культурного развития человека. Преподавание русского языка как родного и иностранного предполагает неизбежное обращение педагога к национально-специфичным языковым единицам, «ментально-лингвальным комплексам».

Учитель-словесник должен учитывать, что национально-культурный компонент в преподавании русского языка становится одним из важных средств развития духовно-нравственного мира школьника, его национального самосознания [1, с. 131].

Культуроведческий подход в обучении предполагает приобщение к культуре в широком смысле этого слова, поскольку язык служит основным средством выражения культуры, являясь орудием накопления, хранения и передачи информации [2, с. 7].

Методы. За последнее время изданы учебники и учебные пособия по лингвокультурологии, которые знакомят с понятийным аппаратом этой дисциплины. Тем не менее рекомендаций по применению теоретического материала еще недостаточно.

Как отмечает В.Н. Телия, именно фразеологический состав языка играет особую роль в трансляции культурно-национального самосознания народа, так как в образном содержании его единиц воплощено культурно-национальное мировидение [3, с.231]. Для учителя-словесника, в свою очередь, особенно важно, что изучение фразеологизмов на уроках русского языка является одним из средств приобщения к истокам и духовной культуре носителя языка [4, с. 37].

Результаты. Обучающиеся при изучении дисциплины «Русский язык» имеют возможность овладеть навыками лингвокультурологического анализа языковых единиц, познакомиться с разными типами упражнений и заданий, подготовиться применять приобретенные навыки и реализовывать умения в урочной, внеурочной и внеклассной деятельности. Упражнения, составленные для обучающихся, могут быть адаптированы. Приведем примеры подобных заданий, дадим рекомендации по их выполнению.

Основное внимание предлагается уделять таким компонентам фразеологизмов, которые выступают в качестве знаков культуры: соматизмам, зоонимам, фитонимам, квантитативам, безэквивалентным и культурно специфическим словам.

Выполняя *первое задание*, обучающиеся вспоминают фразеологизмы со словами-компонентами наименованиями частей тела. Например, работая с соматизмами *рука* и *нога*, учащиеся приводят фразеологизмы с компонентом-соматизмом *рука*: *правая рука, как без рук, быть под рукой, греть руки, запустить руку во что-либо, ходить по рукам, рука не поднимается, с пустыми руками, руки чешутся, под горячую руку, положить руку на сердце, ударить по рукам* и другие. Рука – это символ власти, права, силы, символ богатства, орудие приобретения материальных благ, причем часто нечестным путем. Многие фразеологические единицы имеют негативную коннотацию [5, с. 135]. Рука через синекдоху заменяет собой человека, часто обозначает помощника, друга. Компонент *рука* имеет символическое значение инструментальности и деятельности вообще [6, с. 126, 128].

Обсуждение. Фразеологизмы с компонентом-соматизмом *нога*: *сам черт ногу сломит, как моя левая нога хочет, встать с левой ноги, земля горит под ногами, брать ноги в руки, в ногах валяться, унести ноги, ноги не будет, в ногах правды нет* и другие. В трехчастной композиции внешнего и внутреннего атласа тела *ноги* относятся к нижней части тела человека [7, с. 117–118], а, как известно, в мифологической модели мира *верх* и *низ* – одно из основных противопоставлений [40, с. 660–661]. В некоторых фразеологизмах реализуется архетип “ноги – принадлежность дьявола” [28, с. 136–137]. Через синекдоху *ноги* также способны обозначать всего человека, однако главная функциональная символика слова *нога* – двигательная [8, с. 475].

Аналогичным способом можно разобрать фразеологизмы с компонентами-соматизмами *голова* (культурное значение: Бог, главное, важное; интеллектуальные способности человека), *глаза* (внимание; знание, опыт; магическая, таинственная сила; обман), *волосы* (охранные функции; вместилище опыта, силы, памяти, воли, здоровья), *нос* (соматизм, заменяющий человека, является знаком границы внутреннего пространства человека; связан с символикой обмана), *губы* (связаны с символикой желания, стремления к чему-либо) *уста, язык* (речевая способность человека), *уши* (способность к аудированию; невнимательность, рассеянность, доверчивость), *зубы* (агрессия, животное начало; метонимически связаны с едой, смехом), *ус* (опыт), *пуп* (центр во всех мифологиях и религиях) и др. [6].

Во *втором задании* предлагается проанализировать фразеологические единицы, которые соотносятся с числовым кодом культуры, выявить ценностное содержание культурных смыслов, эталонов и стереотипов, которые закреплены за компонентами-числами и сгруппировать их в соответствии с выявленными коннотациями.

Приводятся фразеологические единицы с компонентами-числами. Вообще, *числа* – это класс знаков, описывающий мифологическую модель мира: *три* сферы вселенной (небо, земля, преисподняя), *четыре* стороны света, *пять* основных стихий, *семь* – воплощение космической целостности, включая временные (7 дней недели), астральные (7 планет) и культовые совокупности (7 богов пантеона в восточнославянской и других традициях) [см. подробнее: 7].

Коротко продемонстрируем примерное содержание результатов исследования на примере числовых компонентов *один, первый*. Единица – источник всего множества, центр, Бог, солнце. Ю.С. Степанов отмечает отсутствие особого числительного *один* в системе счета многих языков, и в частности индоевропейских, что объясняется типологией счета: собственно исчисление предметов начинается с *двух* [9, с. 517–519]. Число *один* тесно связано с идеей единения, единства, одного целого [10, с.494]. По наблюдениям культурологов, все *первое* так или иначе оказывается связанным

с жертвой, в качестве которой используют *первые* овощи и плоды, *первых* животных в приплоде, *первые* самостоятельные изделия ребенка [11, с.398]. Анализ фразеологизмов с компонентами *один, первый* позволяет выявить такие культурные коннотации, символы и стереотипы, как “одиночество” (*один как перст, один в полне воин*), “начало” *первый блин комом, первая ласточка*)” “одновременность, единодушие” (*в один голос*), “единство” “сходство, идентичность” (*вставать в один ряд, из одного теста, стричь под одну гребенку, одного поля ягоды, од-ним миром мазаны, дудеть в одну дудку*), “единичность, однократность” (*за один присест*)” “моментальность” (*в один миг*), “первоисточник” (*из первых рук*), “главенство, исключительность, важность” (*в первую голову*), “превосходство над другими” (*звезда первой величины, играть первую скрипку*).

Аналогичным образом анализируются фразеологизмы со словами-компонентами *два, второй, три, третий, четыре, пять, пятеро, семь, седьмой, семеро, сто, сотый*.

Два, второй: в два счета, в двух словах, в двух шагах, гоняться за двумя зайцами, два сапога пара, как две капли воды, меж двух огней, просто как дважды два, две стороны одной медали, палка о двух концах, на два фронта, от горшка два вершка; раз, два и обчелся; двум смертям не бывать, а одной не миновать; вторая молодость, второе дыхание, второе пришествие.

Три, третий: в трех шагах, в три глотки, в три горла, в три погибели, в три ручья, в три шеи, видеть на три аршина под землей, за троих, заблудиться в трех соснах, наврать с три короба, до третьих петухов.

Четыре: в четырех стенах жить; идти на все четыре стороны.

Пять, пятеро: без пяти минут; пятая спица в колеснице; нужен, как собаке пятая нога; есть за пятерых.

Семь, седьмой, семеро: за семь верст киселя хлебать; за семью замками; тайна за семью печатями; семь пятниц на неделе; семь бед – один ответ; семи пядей во лбу; седьмая вода на киселе; у семи нянек дитя без глазу; до седьмого колена; до седьмого пота; семеро одного не ждут.

Сто, сотый: сто лет в обед; во сто крат; давать сто очков вперед; неимей сто рублей, а имей сто друзей; в сотый раз].

При выполнении *третьего задания* обучающиеся знакомятся с результатами сравнительного анализа русских и японских фразеологизмов (характеризующих человека) с компонентом-зоонимом, проведенного Огава Марио (2005), и отвечают на вопрос о том, как представлено описание и видение действительности в языковой картине мира неродственных языков.

Сравнению подвергаются фразеологические единицы (ФЕ), имеющие сходное значение в двух языках, но использующие разные названия животного (рус. как хамелеон = яп. *меняется как кошачьи глаза*; как с гуся вода = *брызгать водой в морду лягушки*; *отогреть змею на груди* = *собственная собака укусила*; *старый волк* = *старый барсук*), ФЕ, совпадающие по семантике и образности (рус. как *мышь в мышеловке* = яп. *мышь в мешке*; *слепая курица* = *птичьи глаза*; *работать как лошадь* = *лошадиный труд*), и безэквивалентные ФЕ.

Результаты анализа безэквивалентных фразеологизмов показывают, что в русском языке, например, за компонентом-зоонимом *собака* закрепились такие культурные коннотации, как “голод”, “ощущение холода” (*голодный как собака, замерз как собака*), “верность” (*верный как пес*), “злоба” (*злой как собака*); в японских фразеологизмах образу *собаки* соответствуют коннотации “жалости”, “тоски” (*у кого-либо собачьи глаза, собачий вой*). В русских фразеологизмах частотен образ *свиньи*, реализующий культурные смыслы “грязь, неряшливость” (*жить как свинья*); “непонимание” (*разбирается как свинья в апельсинах*), “бескультурье” (*напиться как свинья*). Японские фразеологизмы используют образ *тигра* для трансляции культурного смысла “опасность” (*наступить на хвост тигра, бумажный тигр*).

Четвертое задание связано с выбором пословиц, которые, по мнению студентов, отражают основные черты русского национального характера, представления русского народа, специфику русского мироустройства и отношения к жизни. Необходимо объяснить свой выбор.

Приводится около 40 пословиц (например: *была бы шея, а хомут найдется; в Москве толсто звонят, да тонко едят; до бога высоко, до царя далеко; жалует царь, да не жалует псарь; и комар лошадь свалит, коли волк пособит; кобыла с волком тягалась, только хвост да грива осталась; матушка рожь кормит всех сплошь, а пшеничка по выбору; народ без грозы, что конь без узды; незванный гость хуже татарина; и кости по родине плачут; не подмажешь – не поедешь; русский человек задним умом крепок и др., представляющих собой информативные инварианты морально-ценностных суждений, подвергаемые образному лексическому оформлению.*

Сначала обучающиеся выбирают пословицы, отражающие специфику русского взгляда на мир, хотя, несомненно, можно охарактеризовать и универсальные общечеловеческие морально-нравственные установки и ценностные приоритеты. Например, пословица *авось да как-нибудь до добра не доведут* содержит русские национальные концепты «авось», «как-нибудь», которые обуславливают непредусмотрительность в поведении, привычку полагаться на счастливые стечения обстоятельств, а не на свои рациональные, прагматичные, спланированные действия. Сходный смысл реализуют пословицы *в дождь избы не кроют, а в ведро и сама не каплет; пока гром не грянет, мужик не перекрестится*. Эти черты русского национального характера Анна Вежибицкая назвала иррациональностью и неагентивностью [12, с. 332–388].

Пословицы *от трудов праведных не наживешь палат каменных; богатому телюта, бедному ребята* отражают негативное отношение русских к богатым и богатству, которое, по нашему стереотипному представлению, не может быть нажито честным путем. Паремия *гладко было на бумаге, да забыли про овраги* осуждает общечеловеческую (особенно, впрочем, отличающую именно русских) склонность теоретизировать, отрывать от реальной жизни и практической возможности исполнить задуманное (близкий ментальный посыл в пословице *закон что дышло: куда повернул, туда и вышло*). Негативные стороны приоритета общего над индивидуальным, свойственного русскому мировоззрению, воплотились в пословицах *лес по дереву не плачет, лес рубят – щепки летят*. Непредсказуемость русских дорог и путешествий по России нашла отражение в паремии *едешь на день, хлеба бери на неделю*. А пословица *что русскому здорово, то немцу смерть* прямо противопоставляет русским представителей других народов, которые имеют иные обычаи, иной взгляд на мир, которые не всегда могут понять особенности русского поведения. Аналогичным образом и даже гораздо подробнее можно разобрать все пословицы, но лучше все-таки дать возможность учащимся самим выбрать паремии, наиболее точно отражающие ту или иную черту русского национального характера.

В пятом задании обучающиеся определяют денотаты приведенных перифраз, анализируют образ, лежащий в их основе, устанавливают признаки денотатов, актуализированных в перифразах, определяют механизмы создания перифраз. Формулируется вопрос: почему некоторые перифразы соотносятся несколькими денотатами?

Акулы пера, алюминиевая птица, белая смерть, белое золото, благородный металл – желтый дьявол, бог войны, братья наши меньшие, Вечный город, водная артерия, Всемирная паутина, второй хлеб, гимнастика ума, гроза морей, железный конь, застывшая музыка, зеленое море – легкие планеты, князь тьмы, корабль пустыни, корень жизни, напиток бодрости, невеста Христова, однорукий бандит, подруга жизни, презренный металл, северный виноград, страж порядка, страна восходящего солнца, третий Рим, фабрика грез, хозяин тайги, черное золото.

При выполнении этого упражнения следует обратить внимание на несколько аспектов. Прежде всего на механизмы создания образов: метафору (*алюминиевая птица, северный виноград*), метонимию (*белая смерть, железный конь, презренный металл*), синекдоху (*акулы пера*), оксюморон (*фабрика грез*), использование гиперонимов (*Вечный город, напиток бодрости, страна восходящего солнца*) и цветообозначений (*черное золото, зеленое море, желтый дьявол*). Важно отметить, что в создании образной основы перифраз принимают участие разнообразные метафоры: зооморфная (*Всемирная паутина*), природно-ландшафтная (*зеленое море*), предметно-вещная (*корабль пустыни*), растительная (*северный виноград*) и др. Немаловажное значение в формировании образной основы перифраз имеет принцип антропоцентризма (*водная артерия, однорукий бандит, легкие планеты*). Следует обратить внимание учащихся на библейско-мифологические образы (*желтый дьявол, князь тьмы, невеста Христова*), на культурные доминанты (*второй хлеб*, где хлеб – жизненно важный продукт питания, эквивалент пищи в целом), архетипические представления (*железный конь*: очень долго человек перемещался на лошади), исторические факты (*третий Рим*: перифраза, основанная на теории XV–XVI веков, согласно которой Москва как политический и церковный центр провозглашалась преемником Рима и Константинополя [13, с. 211]).

Лингвокультурологический анализ перифраз предполагает апелляцию к первоисточнику, если авторство описательного оборота установлено (*братья наши меньшие*: приписывается С.А. Есенину, но, вероятнее всего, восходит к Библии; *застывшая музыка (архитектура)*: приписывается Гете, но принадлежит Шеллингу; *Вечный город*: впервые так назвал Рим римский поэт Тибулл [8, с. 158]).

Шестое задание предполагает объяснение значений устаревших или редких слов в составе фразеологизмов:

Бить *баклуши*; косая *сажень* в плечах; семи *пядей* во лбу; попасть *впросак*; коломенская *верста*; *баши* на баш; от горшка два *вершка*; будто *аршин* проглотил; не было *гроша*, да вдруг *алтын*; ни за какие *коврижки*; закон что *дышло*: куда повернул, туда и вышло; не по Сеньке шапка, не по Тришке *кафтан*; мелкая *сошка*; держать под *спудом*; *тютелька* в *тютельку*; *турусы* на колесах; гол как *сокол*; седой как *лунь*; глухая *тетеря*; с *жиру* беситься; не щадя *живота*.

В ходе упражнения учащиеся выясняют, какую роль такие слова играют в создании фразеологического образа и соотносятся ли друг с другом внутренняя форма ФЕ и фразеологическое значение. Обучаемые также отвечают на вопрос о том, нужно ли объяснять школьникам значение непонятных компонентов фразеологизма. Проанализированные слова объединяются в тематические группы.

Объяснение устаревших или редких слов, входящих в состав фразеологизмов, безусловно, дает возможность учащимся понять этимологический образ, лежащий в основе идиомы. Анализ должен сопровождаться лингвокультурным комментарием. Значительный интерес представляет собой ряд лингвокультурем с общим значением меры (русская метрология). Так, в приведенных фразеологизмах представлены старинные наименования русской денежной системы (*грош* ‘2 копейки’, *алтын* ‘3 копейки’), линейные меры (*сажень* ‘2,134 м’, *пядь* ‘расстояние между большим и указательным пальцами’, *верста* ‘1,06 км’, *вершок* ‘4,4 см’, *аршин* ‘0,71 м’). Понимание значений метрологических лексем способствует разгадыванию образов, основанных на гиперболе (косая *сажень* в плечах, семи *пядей* во лбу, коломенская *верста*, будто *аршин* проглотил) или литоте (от горшка два *вершка*). Традиционные русские занятия, промыслы, особенности быта, реалии жизни наших предков и даже исторические факты можно обсудить при анализе слов *баклуши* ‘чурки для выделки мелких изделий’, *просак* ‘канатный, веревочный стан, на котором в старину сучили веревки’, *коврижка* ‘пряник, обычно на меду’, *дышло* ‘в парной запряжке: толстая оглобля, прикрепляемая к середине-не передней оси повозки’, *кафтан* ‘старинная мужская долгополая верхняя одежда’, *мелкая сошка* ‘небольшая и бедная крестьянская община, затем бедный и бесправный член такой общины’, *турусы* ‘осадные башни из бревен, которые перекатывались на низких и толстых деревянных колесах’, *сокол* ‘старинное стенобитное орудие из чугуна или железа в форме длинного и толстого бревна или бревно, окованное металлом’. Например, идиома *попасть впросак* напоминает об обычаях старых русских прядильщиков, канатных мастеров: *просак*, представлявший собой сложную сеть веревок, тянувшихся от прядильного колеса до саней, располагался обычно на улице; для прядильщика попасть в такой стан одеждой или бородой означало лишиться и того и другого, а порой и жизни [8, с. 124]. Выражение *турусы на колесах* отсылает нас к историческим событиям монголо-татарского нашествия, когда во время осады средневековых городов наряду со стенобитными орудиями и метательными машинами использовались *турусы* – осадные башни из бревен [8, с. 702].

Многие слова, сохранившиеся только как компоненты фразеологизмов, напоминают нам о богатой, уходящей корнями в глубокое прошлое русской истории, о многочисленных контактах с другими племенами и народами, об обширности наших территорий, на которых использовались в прошлом да и сейчас используются региональные диалекты. Так, слово *баши* в тюркских языках означает ‘голова’ [12, с. 17]. Лексема *тютелька* – уменьшительное от диалектного *тютя* ‘удар, попадание’ напоминает о столярных работах: выражение *тютелька в тютельку* первоначально означало точное попадание топором в одно и то же место [8, с. 704]. Выражение *под спудом* восходит к церковнославянскому тексту Нового Завета [8, с. 663]. Во фразеологизме *глухая тетеря* также используется областное название тетерева, а в компаративной конструкции *седой как лунь* упоминается народное название птицы из семейства соколиных, некоторые виды которой окрашены в пепельно-серые цвета и издали кажутся белесыми [8, с. 402].

В качестве компонентов фразеологизмов употребляются не только историзмы, но и архаизмы, в том числе лексико-семантические: *жир* – ‘богатство, имущество’, *живот* ‘жизнь’, – а это напоминает нам о долгих веках развития и становления русского языка, о языке наших предков (древнерусском).

Формированию лингвокультурологической компетенции, установлению метапредметных связей, а также общему культурному развитию учащихся способствует изучение такой темы, как «Генетическая память крылатых выражений и афоризмов», в рамках которой можно предложить установить мифологический или библейский источник афоризмов (*прометеев огонь, муки Тантала, кануть в Лету, между Сциллой и Харибдой; зарывать талант в землю, блудный сын, вавилонское*

столпотворение, нов ковчег и др.). Причем рекомендуется не только давать современное толкование устойчивому обороту, но и пересказывать мифологический или библейский сюжет, пояснять непонятные слова, сопровождать рассказ иллюстрациями известных художников. Аналогично можно выполнить задания по афоризмам, принадлежащим или приписываемым историческим личностям (Платон мне друг, но истина дороже; разделяй и властвуй; пришел, увидел, победил; мертвые сраму неимут; формально правильно, а по сути издевательство и др.), по крылатым фразам из отечественных и зарубежных литературных произведений (и дымотечества нам сладок и приятен; демьянова уха; как живой с живыми говоря; науки юношей питают; рыцарь печального образа; неладно в Датском королевстве и др.), а также по выражениям кинематолога – устойчивым фразам кино, мультипликации и телевидения (в Багдаде все спокойно; а мне летать охота; мы за ценой не постоим и др.).

Завершить изучение темы “Культурно-языковая память фразеологизмов, пословиц, поговорок” предлагается выполнением комплексного лингвокультурологического анализа фразеологизмов в соответствии с методикой, разработанной В.Н. Телией и её учениками. Приведем пример такого анализа.

В седьмом задании фразеологизмы анализируются с лингвокультурологической точки зрения. Студенты пытаются обнаружить зашифрованные во фразеологизмах коды культуры, определить, к каким базовым архетипическим оппозициям они восходят, какие древнейшие формы осознания мира репрезентируют:

Как снежный ком, из кожи лезть, звезд с неба не хватает, до последней капли, в цвете (расцвете) лет, без задних ног, базарная баба, без царя в голове, ни пуха ни пера, ни рыба ни мясо, первый блин комом, перемывать косточки, копаться в грязном белье, пугало (чучело) огородное, как за каменной стеной, из одного теста, идти в гору, уши вянут, танцевать от печки, сон в руку, скатертью дорога, из грязи в князи, владеть собой, дойная корова, замкнутый круг.

Продемонстрируем краткий лингвокультурологический анализ фразеологизма *базарная баба*.

1. Фразеологизм реализует пространственный (*базарная*) и антропный (*баба*) код культуры.

2. Представлены архетипические оппозиции «мужчина – женщина», «хороший – плохой».

3. В основе фразеологизма лежит метафора уподобления грубого, невоспитанного, крикливого человека торговке на базаре (наиболее характерными особенностями базара являются *громкий крик* для привлечения внимания большого количества людей, *умение торговаться*, то есть продавать товар на наиболее выгодных для себя условиях). Для создания образа немаловажное значение имеет социальный статус торговки – человека, по стереотипным представлениям, невысокого образовательного ценза. Компонент *базарный* символически осмысливается как ‘непристойный, площадной’. Просторечное слово *баба* ‘женщина из простонародья’ способствует формированию образа грубого, неотесанного, вульгарного человека.

4. Аллитерация звука *б* придает дополнительную выразительность.

5. Во фразеологизме реализуется стереотипное представление о мужчине и женщине: *женщине* приписываются сильные эмоциональные проявления, нелогичность, склонность к мелким интригам, сплетням; *мужчине* – ум, последовательность, рациональность, благородство. Употребление оборота по отношению к мужчине – более сильная отрицательная оценка [10, с. 27].

Заключение. Рассмотрение фразеологизмов и паремий предоставляет обширные возможности для формирования культурологической компетенции. Предложенные задания можно упрощать, усложнять, наполнять новым дидактическим материалом, главное – при изучении лингвистической составляющей фразеологических единиц не забывать о том, что устойчивые образные выражения – неисчерпаемый источник сведений о культуре, истории, мифологии, традициях русского народа, включенного в большую общечеловеческую семью.

Таким образом, предложенная система упражнений для изучения паремии русского языка в нерусской аудитории способствует формированию и становлению лингвокультурной компетенции.

Список использованной литературы:

1 Быстрова Е.А. Культуроведческая функция русского языка в системе его преподавания // Обучение русскому языку в школе / под ред. Е.А. Быстровой. – М.: Дрофа, 2004. – С. 131–156.

2 Воишелева Т.М. Русский язык: программа для 10–11-х классов: среднее (полное) общее образование (базовый уровень). – М.: Академия, 2010. – 32 с. - книга

3 Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Школа русской культуры, 1996. – 290 с. – книга

- 4 Юсупова З.Ф. Компетентностный подход к обучению русскому языку в школе. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 68 с. – книга
- 5 Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 3-е изд., испр. – М.: Академия, 2007. – 208 с. – учебное пособие
- 6 Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с. – книга
- 7 Мифология: энциклопедия: репринт / гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 2008. – 736 с. – книга
- 8 Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словар-ный каб. им. Б.А. Ларина; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аст-рель: АСТ: Хранитель, 2007. – 926 с.
- 9 Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с. – книга
- 10 Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 784 с. – (Фундаментальные словари). – книга
- 11 Байбурун А.К. Первое в традиционных представлениях восточных и юж-ных славян // Балканские чтения 1. Симпозиум по структуре текста. – М.: Изд-во Ин-та славяноведения и балканистики АН, 1990. – С. 97–99. – труды конференции
- 12 Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 568 с. – книга
- 13 Пермяков Г.Л. К Вопрос о структуре паремнологического фонда. // Типологические исследования по фольклору. – М., 1970. – С.11-16. – статья из журнала

References:

1. Bystrova E.A. Kulturovedcheskaia funkcia ruskogo iazyka v sisteme ego prepodavania // Obuchenie ruskomu iazyku v škole / pod red. E.A. Bystrovoi. – М.: Дрофа, 2004. – С. 131–156.
2. Voiteleva T.M. Ruski iazyk: programa dlä 10–11-h klasov: srednee (polnoe) obšee obrazovanie (bazovyi uroven). – М.: Akademia, 2010. – 32 s. – kniga
3. Teliä V.N. Ruskaia frazeologia. Semanticheski, pragmaticheski i lingvokulturologicheski aspekty. – М.: Škola ruskoj kültury, 1996. – 290 s. – kniga
4. Jusupova Z.F. Kompetentnostnyi podhod k obucheniu ruskomu iazyku v škole. – Kazän: İzd-vo Kazan. un-ta, 2015. – 68 s. – kniga
5. Maslova V.A. Lingvokulturologia: ucheb. posobie dlä stud. vysš. ucheb. zavedeni. – 3-e izd., ispr. – М.: Akademia, 2007. – 208 s. – uchebnoe posobie
6. Gudkov D.B., Kovšova M.L. Telesnyi kod ruskoj kültury: materialy k slovarü. – М.: Gnozis, 2007. – 288 s. – kniga
7. Mifologia: ensiklopedia: reprint / gl. red. E.M. Meletinski. – М.: Böłšaia rosiskaia ensiklopedia: Drofa, 2008. – 736 s. – kniga
8. Biriĥ A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.İ. Ruskaia frazeologia. İstoriko-etimologičeski slovär: ok. 6000 frazeologizmov / SPbGU; Mejkaĥ. slovar-nyikab. im. B.A. Larina; pod red. V.M. Mokienko. – 3-e izd., ispr. i dop. – М.: Ast-rel: AST: Hranitel, 2007. – 926 s.
9. Stepanov İu.S. Konstanty: Slovär ruskoj kültury. – 3-e izd., ispr. i dop. – М.: Akademicheski Proekt, 2004. – 992 s. – kniga
10. Böłšoi frazeologičeski slovär ruskogo iazyka. Znachenie. Upotreblenie. Külturologičeski komentari / отв. red. V.N. Teliä. – 2-e izd., ster. – М.: AST-PRES KNİGA. – 784 s. – (Fundamentälnye slovari). – kniga
11. Baiburin A.K. Pervoe v tradisionnyĥ predstavleniah vostochnyĥ i iuj-nyĥ slavän // Balkanskiie chtenia 1. Simpozium po strukture teksta. – М.: İzd-vo İn-ta slavänovedenia i balkanistiki AN, 1990. – С. 97–99. – trudy konferensii
12. Vejbiskaia A. Semanticheskie universalii i bazisnye konsepty. – М.: İazyki slavänskih kültur, 2011. – 568 s. – kniga
13. Permäkov G.L. K Vopros o strukture paremiologičeskogo fonda. // Tipologičeskie issledovania po fölkloru. – М., 1970. – S.11-16. – stätä iz jurnala